

Вероника КОВАЛЬ, кандидат филологических наук

«И ВСЕ ЖЕ ТОСКУЕМ О СТРАННОЙ ОТЧИЗНЕ» (Один из «незамеченного» поколения)

Насчет переселения душ — не знаю. Но что были и есть в мировом пространстве-времени души, родственные нашим, знаю точно. Вдруг окутают теплом строки какого-то средневекового поэта, и поражаешься, что ты, дитя двадцатого века, чувствуешь так же, как он. Или с картины вдруг полыхнет взглядом страстный идадьго и пронзит сердце тоской несбыточной мечты: почему, почему мы не сошлись во времени? Нечто подобное испытала я и при знакомстве с Карлом фон Гершельманом. Сначала с его творчеством, затем — с историей его жизни.

Первопричина моего интереса к личности Гершельмана имеет чуть ли не детективное начало. Сколько-то лет назад таллиннский музей посетил приезжий из Германии. Он назвался сыном художников Карла и Элизабет фон Гершельман. В семье хранится многое из их творческого наследия.

Даже для эстонских искусствоведов сообщение о том, что "нашли" работы подзабытых художников, оказалось сенсацией. Элизабет была эстонкой, дочерью крепостного, который в свое время спас в бою барона Розендорфа, и тот в благодарность даровал ему вольную и свою родовую фамилию. Карл происходил из древнего дворянского рода прибалтийских немцев. Супруги в 20-30 годы прошлого века жили в Таллинне. Она занималась росписью фарфора, он — графикой. Вскоре музей открыл для соотечественников эти имена, организовав выставку работ из семейной коллекции и других музеев. Об этой экспозиции и коротко об авторах искусствоведа Май Левин поведать в 2005 году на страницах эстонского журнала "Вышгород".

Ну и что? Как говорится, что мне Гекуба, что я ей?

Не могу понять, почему, но при чтении очерка я вдруг подспудно ощутила, что не случайно пришел он мне в руки, не случайно.

Интуиция меня не подвела. Вот оно! Карл Гершельман (он не любил свое баронское "фон") учился в Одесском кадетском корпусе, затем на философском отделении Новороссийского университета. Выходит, самые благоприятные для развития личности годы художник провел в нашем городе!

Иллюстрирована была статья несколькими графическими листами художника. По благородству и изысканности рисунка чувствовалась близость его к русскому модернизму, который мне очень интересен, а потому усилился интерес и к автору.

Карл Гершельман, говорилось в рецензии, не только художник, но и поэт, эссеист, философ. Приведена ней в качестве примера строфа из стихотворения, которое полностью я затем обнаружила в одном из эмигрантских изданий:

Удалось однажды родиться.
Обещали — жизнь впереди.
От надежд голова кружится,
Сколько силы в плечах, в груди.

Вот и юность. —
Теперь уже скоро.
Вот и старость. Где же, когда?
— За окном: решетка забора,
Телефонные провода.

Это в с е? — Конечно, до гроба.
Это жизнь? — А кто же? Она.
— Значит, это лишь так,
для пробы,
Значит, будет еще одна.

Странный диалог лирического героя с кем-то, кто, видимо, знает ответ на все вопросы! В нем столкнулись нетерпение юности, разочарованность от несбывшихся надежд, самоирония, зашкаливаю-

щий оптимизм... Ясно, что поэт — человек не только чувствующий, но и думающий.

Все узнанное из статьи говорило о том, что разностороннее творчество Карла Гершельмана — не однодневка, не суррогат искусства, а подлинное искусство. Как интересно было бы вчитаться в прошлепестившие страницы его стихов, взглянуть в рисунки, почувствовать, что тревожило душу его поколения!

Значит, нужно "копать"!

В Одессе из знакомых мне краеведов и литературоведов об этой интересной личности никто не слышал. Нитью Ариадны послужили сведения, собранные в статьях и книгах исследователя Сергея Исачкова. Он собрал огромный материал о взаимодействии культур различных национальностей. В частности, много лет изучает культурные связи Эстонии с Россией и Украиной. Через него я вышла на различные издания, в том числе эмигрантские. Погрузилась в плохое знакомый мне ранее мир, где жили, творили, чувствовали насильно разлученные с родиной люди. Карл фон Гершельман был среди них фигурой не одиозной, но заметной и, как мне кажется, являлся для них в определенной степени камертоном художественного вкуса и человеческой порядочности.

Для начала — линия его жизни, хотя бы пунктиром.

В 1899 году в Севастополе, в семье Карла Львовича фон Гершельмана, доктора медицины, генерала медицинской службы, родился сын. По дворянской традиции называли его именем отца. Военная профессия была, так сказать, фамильной. Второй сын Карла Львовича, Михаил, как удалось выяснить, в первую мировую был подпоручиком 2 дивизии 15 артиллерийской бригады. В начале нового века генерала перевели по службе в Одессу. Видимо, тоже на начальствующую военную должность, поскольку сведения о нем занесены в Адрес-календарь Одесского градоначальника на 1912 год. Он являлся членом совета Евангелическо-лютеранского прихода церкви св. Павла.

Поселился генерал с семьей на улице Херсонской, 17. Представьте мои чувства: долго изучать биографию героя и в конце понять, что он провел детство и отрочество в двух шагах от библиотеки, где я листала Адрес-календарь! Вглядывался в те же лепные орнаменты на купеческих домах, слышал крики торговцев с того же Нового рынка, конское ржание и скрип телег по утрам. Я словно видела — вот идет худенький мальчик в кадетской форме и подкидывает ногами желтую листву деревьев, которые тогда вовсе не были большими... Мне становилось по-человечески ближе и понятней то, что выскажет он впоследствии в своих стихах-размышлениях.

В 1906 году мальчика определили в Одесский кадетский корпус. Однако запомнились ему из этих

В центре семейного снимка
Карл фон Гершельман

лет не только уроки ратного дела. В длинном автобиографическом стихотворении он вспоминает

О том, как лежал кадетом
В саду, в траву животом,
И были: сад разогретый
И я, и Жюль Верна том...

Не просто о чтении идет речь, а об увлечениях, которые шли вразрез с семейными традициями. Формально Карл следовал им. Окончил кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге. Участвовал, правда, недолго, в первой мировой. Был капитаном лейб-гвардии 3-й гвардейской артиллерийской бригады. Воевал в войсках Деникина и Врангеля на Южном фронте. Но все-таки верх взяла иная страсть. Юноша круто повернул судьбу свою в те поля, где говорили не пушки, а Музы. Он поступил на философское отделение Новороссийского университета.

Получить серьезное образование не пришлось. Вместе с армией Врангеля Гершельман был эвакуирован в Турцию. Только через год ему удалось через Болгарию, Румынию и Польшу пробраться в Ригу, а с 1922 года он в Таллинне. На этом карьере военного закончилась. Он служил чертежником-графиком в министерстве земледелия, на лесопильной и текстильной фабриках. Впоследствии он будет вспоминать

Про годы скучной работы,
Про то, как становишься стар,
Про службу, деньги, заботы
И вечной спешки угар...

Однако у истинно талантливой природы под серой золой буден горит-разгорается золотой огонь иной жизни — радостной, прекрасной, потому что — творческой. Каждую свободную минуту Карл посвящал искусствам. Он влился в художественные и литературные круги города. И жену там встретил. Элизабет уже выставляла свои тонкие, изящные акварели, расписывала фарфор. Сохранилась интересная фотография тех лет, сделанная где-то на даче. За дощатым столом сидят Карл-старший — седовласый, почтенный, в черном сюртуке, и Карл-младший с молодой женой — оба в светлом, улыбаются, будто день сулит им только счастье.

Первые показы работ и первые публикации сделали Гершельману имя. А он творил все напряженней и смелей. Техника оттачивалась, размышления обретали глубину.

Он стал неперенным участником художественных выставок и литературных сборников. Таковыми оказались по результату эти "годы скучной работы".

В 1940 году Карл после мучительных колебаний был вынужден покинуть Эстонию. Годы войны он с женой и детьми Константином и Анной провел в Польше. В 1945 году семья бежала через Берлин в баварский городок Эйштадт. Там уже больной астмой художник занимался иллюстрированием детского католического журнала, написал "Распятие" для местного монастыря.

21 декабря 1951 года Гершельман не стало. В эмигрантском "Новом журнале" (Нью-Йорк, 1952, № 31) писатель Юрий Иваск выступил с прощальным словом о старом друге, с которым немало копий было сломано в литературных дискуссиях: "Высокого — рыцарского — роста, с неистребимой выправкой военного, всегда тщательного одетый, (хотя часто бедствовал) и подтянутый, он был скромным и даже застенчивым, и не внешне, а внутренне походил на своего любимого толстовского героя — Безухова. Как Пьер, он думал свою думу и имел контакт только с людьми узкого дружеского круга, чуждого суеты и тщеславия. Для немногих, знавших К.К., его смерть — потеря, которую нечем заменить".

Пьеро
Тушь. Конец 20-х годов
Из коллекции Гершельманов. Германия

Итак, известно верно, что Карл Карлович жил с родителями в Одессе примерно с семи до двадцати лет. Он впитывал вольный воздух Южной Пальмиры, вглядывался в необозримую горизонт, за которым детское воображение рисовало картины экзотических городов Востока, ленивую роскошь африканских базаров. Кадетов часто выводили на море, они лазали по скалам, учились гребле и плаванию. В стихах и рисунках Гершельмана мне не встретились пейзажные импрессионистские зарисовки Одессы. Возможно, он не сохранил детские опыты в эмигрантских скитаниях. Но я ближе к другому объяснению: склонность к философии заставляла его отмечать детали, пусть даже живописные, поскольку в каждом явлении он искал квинтэссенцию.

Несомненно, в кадетском корпусе он получил широкое образова-

ние. В 1906 году, например, в фундаментальной библиотеке корпуса было 3,5 тысячи книг, представляющих историю военного дела, философских учений, мировую художественную литературу. Практиковались приватные уроки рисования карандашом и масляными красками. Кадеты лепили модели из воска, осваивали ремесла, фотографию. Мальчики сообщали готовили театральные представления — разыгрывали классические сюжеты, писали декорации.

Старшие кадеты получали в качестве поощрения возможность провести свободное время в центре города. А там поэтической натуре было от чего растеряться, было чем подпитаться. На литературном и художественном фронтах происходили настоящие баталии. Страсти кипели между приверженцами классического искусства и авангардистами. В живописи традиционную для Одессы южнорусскую школу теснили всяческие "измы" — имажинизм, кубизм, фовизм, супрематизм... "Салон независимых" привлекал, конечно, в первую очередь, бунтарски настроенную молодежь, студенчество. Ниспровергатели старого искусства камня на камне не оставляли от традиционных художественных ценностей. Работы Василия Кандинского, братьев Бурлюков, Павла Филонова, Александры Экстер, безусловно, оказали влияние на эстетику Гершельмана больше, чем реалистическая школа. Трудно сказать, посещал ли начинающий художник открывшуюся в 1918 году свободную школу пластических искусств или художественную школу Александры Экстер, но его творчество говорит о серьезном знании русского и европейского искусства и хорошем владении ремеслом.

Молодой кадет имел возможность посещать популярные тогда поэзоконцерты. Их афишами пестрели газеты. В Русском театре потрещали публичку громогласные Владимир Маяковский и Давид Бурлюк. Сладкоголосый Игорь Северянин выступил в компании лирикопоэта Вадима Бояна и артистки-футуристки Эсклармонды Орлеанской. В 1918-19 года молодые поэты Анатолий Филолетов, Зинаида Шишова, Семен Кирсанов, Вера Инбер, Вениамин Бабаджан, Эдуард Багрицкий ярко заявили о себе. Литературное общество "Зеленая лампа" пропагандировало новое искусство, свободное от устаревших идей и языковых штампов. Альманахи "Шелковые фонари", "Авто в облаках", "Седьмое покрывало" были тому свидетельством. В этих сборниках нет стихов Гершельмана. Возможно, он посещал занятия литературных сообществ, поскольку впоследствии активно выступал с критическими разборами стихов собратьев по перу. Но, кажется мне, "вселеное племия щелкоперов и болтунов" было не вполне созвучно самоуглубленности Карла. Скорее всего, он в те годы созрел как поэт и отнесился к себе самокритично, но не пытался подделаться под авторитеты.

Особую страсть Гершельман, судя по его литературному и научному наследию, питал к философии. Отвоевав свое ("на рассвете — рокот пушек по шоссе"), он стал студентом философского отделения. Один из авторов статьи о творчестве Карла Карловича пишет, что из занятий философией у юноши ничего не вышло. Это не так. Время для учебы было самое что ни есть неподходящее. Теоретически в Новороссийском университете можно было по-

